

СТАЛИ ребята замечать, что с Олегом творится что-то неладное. Когда приехал на это место, где вдоль нехитрой речушки качали каштановыми метелками камыши, Олег бывал неистощим в беседе. Слыл он заводилой во всех делах. Где появлялся Олег, там возникали смех и шутки. Девчата были от него без ума. А теперь, когда огромные трубы встали в осеннюю, выжженную за лето бязевую высь, Олег синк, примолк. Ничем его не могли развеселить. Сядет где-нибудь в сторонке от ребят, уложит лицо в ладони, да так и промолчит весь обед. От вопросов отмахивается, как от надоедливых мух.

Пришел в бригаду монтажников секретарь комсомольской организации Иван Спицын. Чернявый, высокий, со строгим взглядом, но в сущности доброй души человек. Пришел к концу смены. Собралась вся бригада вокруг своего вожака. Сели прямо на опалубку. За спиной лежало широкое водохранилище. Его уже окрестили морем. На него никто не смотрит. Не до моря ребятам. Они знали, что Спицын зря не придет.

Сидят, ждут. Колька Ивкин, невысокий крепшш с круглым лицом, натянул мятую кепку на глаза, задумчиво курит. Он единственный в бригаде любитель папирозного дыма. Володька Жигалов, белообрый горячий парень, в нетерпении крутит свои рукавицы-верхожки. Он тревожно поглядывает на секретаря. Возле Олега уместился на мотке провода Витя Трофимов, уравновешенный парень. Он — друг Олега, и его особенно тревожит, о чем будет говорить Спицын.

А Иван молчит. По выражению его лица трудно понять, будет ли он держать речь, или вот так, молча, просидит до темна.

Солнце перевернуло дневную грань, а секретарь все чего-то медлит. Не выдерживает первый Володька Жигалов:

— Чего там, говори, руби под корень...

— Жду вас, — хладнокровно замечает секретарь и смотрит на бригаду с легкой иронией.

— Чудненько получается, между прочим... Он пришел, а мы — говори...

— Чудненько... — крутит головой Витя и обводит взглядом своих товарищей.

Обычно в бригаде понимают друг друга с полуслова. Приехали они на стройку ГРЭС с разных концов, а сошлись очень быстро. Труд обтягивает людей в короткий срок. Но сейчас молчат, отводят взгляды от Олега. В другой бы раз спор давно возник. А сейчас говорить надо о своем товарище. Об этом догадывались все. Нелегко начинать разговор.

— Значит опять не выполнил норму? — спрашивает Спицын и почему-то хлопает жилистой рукой по своей коленице.

— Не выполнил, значит, — отвечает с вызовом Жигалов и втягивает голову в острые плечи, будто готовится к прыжку.

— Я и говорю, что не выполнил. У меня все. До свидания.

Иван резко подпрыгнул, рывком как-то повернулся и зашагал к рабочему поселку. Никто даже не посмотрел ему вслед. Молчание после ухода секретаря нарушил Колька Ивкин.

— Ты доволен? — обращается он к Олегу, и лицо его делается пунцовым. Взгляд строгим и копючим. — Доволен, спрашиваю? Отвечать не хочешь? Бригаду назад тянешь... Что у тебя там, амурчики или работа раскисла? Молчишь?

П. ШМАКОВ

ОБИДА

РАССКАЗ

— Дай подумать, — спокойно перебивает Ивкина бригадир. Затем Володька кидает наземь верхожки и встает.

— Так считаю: от бригады мысли потайные, плохая работа несомненными с товариществом. Могут обвинить меня, мол, за борт человека выбросить легче всего, а воспитывать трудней. Знаю, скажут такое, но мнения своего не меняю. Воспитывать? Олега Смирнова? Да это просто смешно. Курам насмех. Он сам кого кошш воспитает. Не понять должен, что он не пуп земли... Обида не должна работе мешать. Мы как ни как, а на Всесоюзной комсомольской стройке. Об этом не следует забывать. Так вот...

Бригадир за всю свою двадцатилетнюю жизнь, пожалуй, впервые произнес такой длинный монолог. Уж слишком напело у него на сердце за последние дни. Все методы, на какие он был способен, испробовал.

— Да как же так, ребята? — испуганно выкатил глаза Витя Трофимов, — стойте, да вы... Нет, уж это жестоко, между прочим...

Молчаливая бригада. Один по одному подылись ребята со своих мест и пошли в ту сторону, куда полчаса назад уходил Иван Спицын.

«Обида не должна мешать работе...» — сказал бригадир. Нет, это не обида, пожалуй, а боль. Взять всю его биографию, и каждому станет понятно, что он, Олег, убит, а не обижен.

Одним из первых приехал Олег Смирнов на стройку из далекого Ногинска. Оставил там мать, маленькую сестренку.

Дом свой с садом и скамейкой в том саду. Со скамейки хорошо смотреть на подмосковные

закаты. Сидел он там много раз с Галкой. Подруга обещала приехать к нему через два года. Окончит институт и придет. Да, видимо, не бывать этому...

Первый котлован рыл Олег Смирнов. Всегда был на первом счету. Не один, наверное, помнит, какие кровавые мозоли носил он на ладонях. Утром следующего дня не мог подняться с постели: болели поясница, руки, ноги, ныли все кости. Руки жгло, как каленым железом. И глаза не мог открыть. Веки были тяжелые, будто на них налился крутого клея. Не один он был в таком состоянии. И никто иной, а он первым превозмог себя и соскочил с койки, растормошил ребят и заставил их заниматься физзарядкой.

Неужели забыли, как он, Олег, с ребятами в обжигающий мороз тянул проводку? Срок был — установить линию-временку за две недели, а он сделал за пять дней. Когда ток получили строители, его, Олега, а ни кого другого, качали и даже в городской газете о нем написали и портрет его напечатали. А ведь по сей день его портрет висит на Доске почета. И не ему ли быть бригадиром ударно-комсомольской, созданной два месяца назад? Ему, и никому другому. Его кандидатуру даже выдвигали, да вот не прошел он по большинству голосов. Хотя бы причина была веской. Не учится Олег нигде, не повышает мастерство...

Смешно прямо-таки. Да кто лучше его работает? Никто. И на тебе, не растет! Куда выше роста? Зинка Оселкова сказала, что он и книги не читает... Ну, пусть, это правда. Да когда ему их читать? Где на это времени взять? Да и пишут в них о любви да заводах, а он эту науку в жизни постигает. И не хуже.

Не может снести обиды Олег. Тоска овладела им и точит его сердце, как червь дерево. Тянит медленно, упрямо изо дня в день вот уже два месяца.

Собрание собрали. Бригадир речь толкнул... Пусть их... Посмотрят, как им трудно будет без него, Олега Смирнова.

Не пошел Олег в общежитие. Медленно бродил по стройке без всякой цели и все думал-примудывал полней ответ бригадире. Собирался на прощание ему высказать такое, чтобы все ахнуло...

Солнце уже ушло за горизонт, погас и розовый закат. Вспыхнули звезды. А Олег ходил и ходил по бездорожью, перелезал через бетонные балки, бродил по шпалам железной дороги и все разжигал свою обиду. И было это похоже на то, как в дождливую погоду развозят костер. Сырые дрова упорно не хо-

тят разгораться, спят, тлеют, чадят едучим до слез дымом.

Подходил Олег к общежитию со странным чувством. Ему хотелось войти в комнату к ребятам и рассказать им, как бывало, юмореску, чтобы все «животики надорвали» и одновременно боялся молчаливых взглядов товарищей. Хотелось ему идти далеко-далеко без всяких мыслей, без тяжести на сердце и этой едучей боли в душе.

Общежитие затаенно мерцало лимонно-желтыми пятнами окон. Олег боялся этих огней. Он старался найти причину этому вдруг возникшему чувству и не мог. Но оно заполняло постепенно все его существо, разливалось слабостью и не находило выхода.

Вспомнилась помимо воли первая стройка. Это было на Ангаре. Приехал он туда еще юнком, к концу строительства. Но гордость за то, что и его руки вложили в дело не один камень, наполняли сердце радостью. И еще вспомнил, как он в отпуске приезжал в Ангарск и ходил по улицам, укрытым могучими соснами, и улыбался встречным прохожим, и те тоже улыбались и, наверное, думали: счастлив же человек!

А теперь вот впервые в жизни, на второй его стройке, которую он считал тоже родной, испытывает перед ней не только стыд, но и боль.

И сейчас показало ему, что все от него отвернулось и оставил одного среди ночи у еще не оживших, коротких улиц, которые со временем станут большими, зелеными, статными и светлыми. И обида снова захлестнула: да он бы разбил в лепешку, а сделал бы для нового городка значительно больше, чем кто-либо другой, будь он бригадиром.

Сбывч упрямо голову, он быстро одолел световые полосы и направился к общежитию...

На вокзале, где я встретил Олега, он сидел хмурый и поникшим, будто отработал три смены подряд. Лоб сморщен, глаза в прищуре. Трудно было понять, о чем он думал. Или о предстоящей дороге, или о покинутых товарищах, или о своей обиде.

Мы сидели долго. За нашими спинами проносились поезда. Олег рассказывал о себе, словно о постороннем человеке. У него чемодан. В руке картонный билет. Подошел и его поезд Новокузнецк — Москва. Олег не обртал и на него внимания. Вскоре прошел и этот мимолет. А Олег смотрел на окна вокзала, за которыми ничего не было видно. Но он упорно всматривался, будто хотел найти за ними себе оправдание...

